

Светлана Веселова

Город.

Между
архитектурным
проектом

и

информационной
сетью

Светлана Веселова

**Город. Между
архитектурным проектом
и информационной сетью**

«Издательские решения»

Веселова С. Б.

Город. Между архитектурным проектом и информационной сетью
/ С. Б. Веселова — «Издательские решения»,

Исследование представляет собой увлекательную историю развития и самоотрицания городского пространства. Автор анализирует то, как архитектура влияет на формирование социума, выступая в качестве диктатора и «строителя» коллективного тела, влияя на мышление и поведение человека. В то же время автор продолжает критику реконструкции истории городов как архитектурных проектов, указывая на то, что современный гигалополис Земли образован сетями, соединяющими и рассекающими традиционные города.

© Веселова С. Б.

© Издательские решения

Содержание

Введение. Человек в дисциплинарной карте мегаполиса	6
Часть I. Город как культурно-исторический феномен	17
Первая волна урбанизации	17
Концепт полиса	17
Становление греческого полиса	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Город. Между архитектурным проектом и информационной сетью

Светлана Борисовна Веселова

© Светлана Борисовна Веселова, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение. Человек в дисциплинарной карте мегаполиса

Название книги отсылает к проекту и к сети: к проекциям, представлению о городе, и к оборотной, ускользающей от строительных планов стороне города-муравейника, темного слепого течения городской жизни. Попытка описать город как проект архитектора (будь то Бог или человек) окинув взглядом с высоты птичьего полета, разбивается о шаги разнообразных множеств жителей, осваивающих и присваивающих город в собственных ритмах, о то, что происходит в городе ниже порога обозримости, контроля, прозрачности плана или, направляющей приезжего, туристической карты. Несмотря на тот факт, что архитектура оказывает влияние на формирование социума, выступая в качестве диктатора и строителя коллективного тела жителей городов, попытка осмыслить город, используя реконструкции архитектурных проектов разрушается там, где город продолжается как сеть, к которой подключаются самые разные ресурсы, за пределами проекта, подчиненного единому основанию. Это вопрос о власти сверхнаблюдателя и о ее следствиях – рассеянии, дезориентации, слепоте. Город идеального планирования, уходящий во тьму. Это история развития и самоотрицания городского пространства. Город уходит из города? Но это единственное мгновение, когда мы можем что-то понять.

Сложность прогнозирования антропологических последствий исторической трансформации города и современной медиальной революции заключается в необходимости привлечения множества дисциплин к такому исследованию. По словам британского историка Гарольда Диоса, история города – это история поколений зданий и поколений людей. Кроме того, это история товарной экономики, отличающей город от деревни. Город может рассматриваться как источник культурных институтов. Согласно Юрию Лотману, «город – это сложный семиотический механизм, котёл текстов и кодов, и всевозможных семиотических коллизий». Мы не можем пренебречь ни теорией и историей культуры и архитектуры, ни философией и социологией, ни антропологией и психоанализом. Можно ли не замечать курсирование идей и смыслов между научным знанием, литературой и искусством? Фрески соборов множат идею двух градусов Агустина Блаженного, превращаясь в поэтические концепты. Наше исследование возможно исключительно как междисциплинарное, поэтому в нем будут вступать в различные альянсы тексты, родом из разных дисциплин. Направим наши усилия на то, чтобы аргументация была в равной мере философской и исторической, культурологической и экономической, политической и антропологической. Сам объект нашего исследования требует широкого междисциплинарного изучения, поскольку во взаимодействии человек-город те границы, что оправдывали узко дисциплинарные подходы, стремительно рушатся.

Человек вступает с городом во множество способов взаимодействия и вырисовывается в многомерном пересечении сетей этих интеракций. В культурологии, политологии, истории, социологии, антропологии и философии мы найдем множество определений и описаний города и человека в нем, артикулирующих то или иное приращение и измерение связей человек-город. Для человека, живущего в городе, сплетение улиц становятся жизненным миром, который не предстает перед нами как теория, напротив, он находит себя в нем дотеоретически. Мы, как жители, захвачены городом и являемся носителями неэксплицитных знаний о нем. Эдмунд Гуссерль говорит о жизненном мире как об интуитивно сопровождающем нас «горизонте опыта», он – фон наших переживаний, за который нельзя зайти, на нем разворачивается наше телесно-воплощенное и коммуникативно-обобществленное существование. Мы проживаем город, будучи включенными в его жизненные процессы и общественные отношения. То, что мы знаем о городе таким интуитивным образом, в строгом смысле не является знанием, это многомерная сеть ориентации. На другом полюсе возникает город как проект, как сумма

знаний о нем, созданных на протяжении его исторического развития архитекторами, философами, социологами, урбанистами. В них город предстает как проекции и репрезентации, которые собираются воедино в логически связанные и непротиворечивые теории и создают знание, контролирующее городское пространство. Процессы деконструкции объективного универсального знания о городе «с позиции вечности», которые мы можем проследить уже в философской системе Гегеля, особенно ярко развернулись в XX веке. Из «объективного» знание превращается в ангажированное знание, созданное социальным пространством, в котором находится исследователь в исторически переживаемом им времени. Наша задача как исследователей состоит в том, чтобы пробиться к «жизненному миру» города сквозь пространство репрезентаций. Для этого исследователю города необходимо быть практиком города, включая в оптику построения знания фрагменты жизненного опыта и эпизодических впечатлений наряду с массивом накопленных «объективных» знания о городе для создания полномасштабного анализа отношений человек-город. Ведь, следуя по направлению к истине, самое интересное – оглядываться по сторонам, сохраняя возможность решиться на новый способ быть, понимать, действовать. Попытаемся проследить нарастающее движение измерений, соединяющий организм человек-город в ходе масштабных социальных, экономических, исторических и культурных трансформаций.

Разрыв, отделяющий город от самого себя, проходит по кромке природное – культурное. Культурное значит избыточное по отношению к природному круговороту вещей и вынесенное за его границы. Даже на самых ранних стадиях своего появления город целостен и разорван одновременно, это разорванное единство делает его объектом, постоянно ускользающим от нашего исследования, вовлекая нас в параллаксное видение. Старая загадка двух сторон или изменяющегося за счет движения земли вида звезд. Ведь город возможен только там, где есть разрыв природной непрерывности и избыточность, где возникло пространство символов и стратегического планирования, вырвавшееся homo из простейшего сурового производства. Согласно Библии, Каин оснует город, разорвав круг природного воспроизводства (он перестает обрабатывать землю), родовые узы (убийство брата), когда земля более не приемлет его. Путь к городу – это шаг за шагом, перепричиняющий природный порядок вещей. С другой стороны, город – это камни и живые организмы, населяющие его, он – подвержен разрушению и гибели, он – часть циклов природы.

Город кардинально отличается от простого поселения людей, объединенных целью простого выживания в среде. Как бы не претендовали современные эко-поселения на статус города, уже сами задачи и цели такой формы организации отрицают город. В исследованиях «не состоявшейся» этрусской цивилизации Алексей Наговицын подчеркивает первостепенное значение архаического города как «сакрального инструмента, управляющего миром людей»¹.

Главная задача архаического города – это введение человека в сверхприродное измерение ритуального порядка. Город избыточен по отношению к имманентности жизни. Первые масштабные города в истории цивилизации Египта и Майи возникли как города мертвых. Эти форпосты вечности показывали обитающим в окрестных насельникам земли мощь и неизменность ритуала и силу бога. Идея города без обитателей, которые всегда являются источником хаоса и изменений, по-новому повториться в утопических городах XVI века, где город уже предстанет идеальным местом для организации идеального общества. Древние акрополи и военные города-castro возникли в первую очередь как центры культа, и менее всего служили целям обычного *существования*. Город – это точка в хаосе, которая отмечена кровью жертвы, этот центр удерживает поле неизменного, удаленного из мира хаотических флуктуаций и непредсказуемого течения природы. Эта версия происхождения городов противоположна марксистской, представляющей возникновение города из утилитарных нужд (торговля и концентрация

¹ Наговицын А. Е. Мифология и религия этрусков. М., 2000.

рабочей силы, обслуживающей цеха и мануфактуры). Согласно таким мыслителям как Фридрих Ницше, Алексей Наговицин и Славой Жижек, цивилизация держится на избыточных, бесполезных для обыденной жизни конструкциях, которые уже исторически приспособливаются и включаются в кругооборот потребления и уровень «человеческого слишком человеческого». Так маленькое эффективное поселение превратилось в огромный лабиринт, препятствие, продуцирующий такие избыточные действия как театр и цирк, храм и фрески, двор и куртуазность, бульвары и пассажи, а с ними и прогулки, и фланирование. Культура жива до тех пор, покуда она культивирует «неразменный рубль»: утилитарно бесполезные египетские пирамиды и шумерские зиккураты. Со временем город стал границей уже не между горным и дольным, а между людьми, объединенными в разные формы взаимосвязей. Так идентичность горожанина оказалась существенно смещенной по отношению к родовой и племенной общинной идентичности.

Следующий аспект, который нам хотелось бы отметить в предисловии, это город, ставший моделью цивилизации. По мнению американского исследователя Роберта Парка, точкой водораздела между Западной цивилизацией и цивилизациями Востока и Латинской Америки является город. «В основе любого типа цивилизации, за исключением нашей, лежит семья как образец мироустройства. Западная же цивилизация основывается на городе, на полисе, как его называли греки, и по своему происхождению является, скорее, политической, нежели семейной»².

Исторический разрыв цивилизации городов в Европе приходится на период раннего средневековья, римские города прекращают свое существование не в силу того, что их разрушают варвары, а в силу того, что город – это не только стены и улицы, город – это форма отношений. Варвары заняли римские города, но не смогли воспроизвести культуру городов. Первая волна урбанизации начинается греческим полисом и заканчивается римским цивитасом. Для раннего средневековья монастырь и замок как форма жизни более характерны, чем форма город. Однако городу было суждено воскреснуть, но, как и любое явление, город в европейской цивилизации мог повториться лишь по-другому и лишь с наращиванием экзистенциала. И этим новым толчком в развитии городов становится уже не идея сакрального, политического или военного господства, хотя все они в разной мере будут присутствовать в городах второй волны урбанизации. Терпит крах попытка Карла Великого собрать Европу как религиозное единство, противостоящее языческим племенам. А самой эффективной становится идея коммон-маркета. Доминантой средневекового города принято считать торговлю и зарождение предпосылок для последующего создания мануфактур в городах нового времени. Жак Ле-Гофф показывает как город постепенно в силу своей экономической логики, основывающейся более на деньгах, чем на земле, а также благодаря своей системе ценностей противопоставил аристократической вертикальной иерархии – иерархию горизонтальную. Так экономическое измерение городов одерживает верх над *сакральным, ритуальным и политическим*, в которые включается городской человек. Параллельно идет процесс территориализации идентичности, от внемирной вертикальной идентичности первых христиан к идентичности гражданина национального государства, размеченной по каждому сантиметру территории. Этой теме посвящена отдельная глава исследования. Новая волна урбанизации, охватившая Европу примерно с тысячного года, представляла собой уже другие города. Ведь повторяется только различие. Такова диалектика развития и самоотрицания городского пространства.

Можно заметить, что город как сакральный центр, будь то Вриндаван или Луксор, не стал европейским проектом. Подобные города случились лишь в «несостоявшейся цивилизации» этрусков. Квинтэссенцией древнего города Европы становится греческий полис как средоточие политической жизни. Будучи отражением космического порядка и души, он, согласно

² Парк Р. Город как социальная лаборатория. Социологическое обозрение Том2. N3. М., 2002. С.10.

Платону, управляется «хороводным принципом», что предполагает всеобщую включенность и соответствия идей, законов и вещей. Подобно тому как в душе человека есть три начала, так и в государстве должно быть три сословия. Разумному началу души в идеальном государстве соответствуют правители-философы, яростному началу – воины, вожделеющему – земледельцы и ремесленники. Поскольку город как и душа стремится к добродетели, то управлять им должны самые мудрые – философы, причастные к вечному благу и способные воплотить небесный мир идей в земной жизни. Стремлению к добродетели соответствует политическая организация полиса, делающая неравных по φύσις (природе) равными по νόμος (закону). Потому внутри полиса человек уже имеет дело не с природой, а с правом. Аристотель говорит, что политическое выше общественного, ибо не всякое сообщество образует полис. Так варвары, живя сплоченными ордами, не в состоянии образовать политического сообщества. Политическое – это, прежде всего, сфера, из которой исключено все принудительное и утилитарное. Подлинным достижением греческого концепта города, как считает Ханна Аренд, было введение исключительной значимости публичной сферы, «сферы бытия друг для друга» и «общительного участия в словах и делах». Агора искусственным образом выравнивала естественное неравенство, вписывая граждан в свои круги, в условия не-господства, не-разделения на правителей и подчиненных. Таким образом, полис обладает упорядоченностью $n+1$ порядка: он окружен стеной, отделяющей граждан полиса от чужеземцев, и снабжен правовой защитой, регулирующей отношения граждан внутри полиса. Здесь начало города геометрии, идеальные предметности которой могли удерживаться только внутри поля, открытого греками.

Концепт города – военного лагеря появляется в Римской империи. Латинский термин *civitas*, по свидетельству Эмиля Бенвениста, не имеет ничего общего с греческим *polis* и обозначает совокупность, множественность, смесь. Действительно, Рим возник из смеси латинян, альбийцев, троянцев, этрусков. Рим – прежде всего, военный лагерь, готовый к нападению, захвату, а не оборонительная крепость (как полис, кремль, бург). В основе градостроительного плана Рима лежит не круг, а крест (символ гораздо более древний, чем христианство). Крест – нечто стремящееся, прежде всего, к территориальному расширению, экспансии, а не к ограничению, селекции, культивированию и удержанию своих границ. Вместо греческой традиции симметрии и замкнутого круга (порядок – космос, пропорциональность, гармония, тавтология, причины и следствия – Эдипов цикл), здесь изначально властвовала концепция линейного движения, линейного представления о существовании. Так римский крест стал предтеча креста Спасителя. Здесь мироощущение оседлого грека, хранимого сферами и концентрическими кругами – космосом, полисом, номосом – невозможно, ибо любой римлянин изначально номад без роду и племени. Изгнанный из полиса грек был обречен на блуждания как на проклятье. Детерминировать римлянина было невозможно. Ибо арматурой Рима была не столько архитектура, которая, организовывая пространство внутри города, обеспечивала терминологией, терминами, очерчивающими локусы общественной жизни, сколько акви- и виадуки, канализации, дороги – коммуникационная система. Рим – это не столько соотношение мест, где протекала общественная жизнь (бани, стадионы, театры), сколько трасса. Жизнь римлянина – это жизнь, экспонированная в социуме. Она существует постольку, поскольку ее видят, слышат, говорят о ней, поскольку она производит эффекты восхищения, испуга, отвращения. Это чисто римское искусство экспонирования поверхностных эффектов. Именно поэтому кризис римской формы существования породит дискурс, обращенный к сфере частного, к внутреннему миру человека. Именно в умирающей Римской империи зародился христианский тип самосознания. Этические сочинения стоиков стали прообразом христианской проповеди. Нельзя сказать, чтобы в Древней Греции сочинения этического характера отсутствовали. Однако, и рассуждения Аристотеля в «Никомаховой Этике», и рассуждения Платона в «Алкваде I»³ не апелли-

³ Интересно, что диалог «Алквад I» представлял собой лекцию, открывавшую обучение в Платоновской академии.

руют к внутреннему миру человека, а строятся в основном на выяснении того, что же такое верный этос – нрав, обычай полиса. Совсем иного рода этические наставления дает Сенека в «Письмах к Луцилию». Предметом бесед здесь становится не всеобщее, не нрав и обычай гражданина Римской империи, а частное, внутренний мир. В Риме политическая система организации была подменена социальной. Аристотелевское определение человека как политического животного существа Сенека воссоздал в латинском эквиваленте как *animal sociale*. Крушением социального животного, не разрывающего круг нужд и наслаждений стало рождение христианства.

Городу мы обязаны рождением философского субъекта. Именно в схождении прямых магистралей города Нового времени, избавленного от лабиринта средневековых улиц, спланированного триумфом концепции прямой перспективы Брунеллески и Альберти и идеей равномерного и прямолинейного пространства Декарта, появляется освобожденный от традиционного уклада свободно-мыслящий индивид, субъект поступка и мировоззрения. «В городе, где обычай вытеснен общественным мнением и позитивным законом, человек вынужден жить, скорее своим умом, нежели инстинктом или подчиняясь традиции. В результате появился человек – отдельный индивид, мыслящий и действующий»⁴. Город прямых линий, перестроенный крупнейшими градостроительными проектами XIX века (барселонская «urbanizaci6n» Ильдефонса Серда, перепланировка Парижа бароном Османом, проект реконструкции Вены Отто Вагнера), превратиться в функциональный город буржуазии.

Согласно Адаму Смиту, в XVIII веке город олицетворяет происходящее превращение центров торговли в центры мануфактурного производства. Поскольку именно в городе происходит разделение труда, он становится центром нарождающейся промышленности. С этого момента урбанизация и индустриализация, усиливая друг друга, приведут к зарождению такого явления как мегаполис, который производит «отчуждение», и маргиналов, бездомных, беспризорников, преступников, проституток. Процессы миграции населения и необходимость введения контроля создадут такое изобретение культурной фикции идентичности как паспорт.

С точки зрения Маркса город представляет собой территориальную организацию воспроизводства труда. «Основой всякого развитого и опосредованного товарообменом разделения труда является отделение города от деревни. Всякая экономическая история общества резюмируется движением этой противоположности»⁵. Город становится центром, поскольку именно здесь развивается новое капиталистическое производство, пришедшее на смену феодальному производству. Превращение труда в товар стало возможно именно в городах. В городе производятся материальные блага и воспроизводится рабочая сила. Все связи человек-город объясняются у него капиталистической динамикой. В фундаментальном труде о развитии мирового капитализма Фернан Бродель⁶ показывает, что город был главным местом, где произошло разделение труда и складывание рынков. Структуры городов тормозили или способствовали этим процессам. Однако к XVI веку во Флоренции, в Венеции, Милане, Генуе, Марселе и Севилье сложился «торговый капитал», что позволило стать им местами новых форм промышленного производства. Именно новый порядок городов сформировал промышленность, успешность которой давала европейским державам власть, несоизмеримую с властью, которую можно было достигать посредством войн. Политическая и экономическая власти становятся неотделимы друг от друга.

У Макса Вебера город возникает как часть исторического процесса, в ходе которого общество создает институты, с помощью которых оно будет политически и экономически доминировать. Таким образом, динамические процессы городской среды подвергаются инсти-

⁴ Парк Р. Город как социальная лаборатория. Социологическое обозрение Том2.№3. М 2002. С.4.

⁵ Маркс. Капитал. М.1983 С.365.

⁶ Бродель Ф. Материальная цивилизация экономика и капитализм, XV – XVIII вв.: В 3-х т. М.: Весь мир, 2007. С.2002.

туциональной организации, в результате чего создается бюрократическая рационализация. Плодом соединения бюрократической машины с политикой является национальное государство. Установленный таким образом порядок национального государства корреспондирует с максимальной территориализацией идентичности обитателя города. Порядок национальных государств, вышедший из номенклатурной сетки городских институтов, как показывает Ирвинг Гофман, означал порядок однородности, классифицированной в информационные таблицы, согласно принадлежности к определенной нации, месту жительства и сегменту в социальной стратификации. Предельная территориализированная идентичность корреспондировала с: а) жестко установленной территорией национальных государств вместо территории священного центра власти бога или суверена; б) правами национального государства и правами человека вместо иррационального космологического порядка; с) паспортом, удостоверениями личности и иными таблицами регистрации вместо пространства личного знакомства и доверия. Растущая роль надзора и контроля в развитии национальных Государств Нового времени привела к уничтожению идентичности.

На протяжении XIX века вместе с развитием индустриального города появляются и новые науки о человеке – социология, психология, психиатрия и психоанализ, важными объектами исследований которых являются наводнившие большие города человеческие массы и причины всё возрастающих психических заболеваний. Типичный человек, живущий в мегаполисе, это человек производящий блага, значения и смыслы, но он же является и продуктом сбоя производства, поскольку он болен, он не может приспособиться к окружающей среде. В этом контексте Георг Зиммель задает вопрос: «Как личность уживается с окружающей средой?», «каким образом субъект ладит с внешними силами и стимулами?». Ответом становится его знаменитый концепт «высокомерия большого города» как вынужденной реакции самосохранения перегруженной стимулами чувственности человека. Человек вырабатывает «бесчувственное равнодушие», чтобы защитить себя и приспособиться к разрушающему здоровую чувственность шквалу ежедневных взаимодействий с массами людей, знаков и сигналов. Кульминацией этого затвердевания в безразличии к ближнему становится новый вид социальной связи и обретение индивидом новой социальной свободы и скорости. Новый городской индивид делает сам себя именно потому, что он не застревает в сплетениях «человеческого» и не скован обязательствами традиционного сплоченного сообщества. Теперь человек, сформированный мегаполисом, проявляет себя не только как объект производства и экономики, но и как объект знания о нем, знания, осуществляющего разделение нормативного и ненормального, на основании которого нас принимают или выводят в субпространства больниц и тюрем. Последний аспект был исследован Мишелем Фуко в его работах «История тюрем», «История безумия». Так, став объектом соединения капитализма и бюрократии, с одной стороны, и объектом исследований, с другой, человек исчез, на месте его оказались потоки желания и симптомы.

Поворот от универсалистских социальных теорий XIX века города к частному, локальному, маргинальному был сделан появившейся в начале XX века Чикагской школой. В фокусе интереса оказываются сообщества эмигрантов, беспризорников, домохозяек и других групп, проживавших в разных районах Чикаго. Занимаясь исследованиями на границе городской социологии и городской антропологии, Чикагская школа артикулировала темы миграции, гомосексуализма, проблем подростков, женщин, преступности, бедности и богатства. Задачей школы было осмысление возможностей и границ социального контроля за процессами, происходящими в мегаполисе. В фокус исследований попали странный индивид, «хрупкие онтологии», выстраивающиеся на анализе «слабых сигналов». Эти идеи нашли многоплановую разработку в феминистском движении и описании городской среды. Достаточно вспомнить многочисленные артпроекты практикующего психоаналитика Брахи Лихтенберг-Эттингер, одной из тем графических работ которой являются образы «материнского-женского»,

многочисленными способами вытесняемые из современного города посредством соединения посткапиталистического обращения бюрократических и информационных технологий.

Человек в структурах города сегодня распылен между многочисленными измерениями, создающими его мимолетные идентификации, и возникает как ассамбляж фрагментов. Фредерик Джеймисон предлагает взглянуть на жителя мегаполиса не как на продукт экономического, а как на продукт эстетического производства. В качестве примера он приводит отель Бонавентура, чьи многогранные зеркальные поверхности одновременно умножают, раскалывают и искажают. В работе 1984 года «Нью Лефт Ревью» Фредерик Джеймисон характеризует третью фазу развития капитализма как: 1) глобализацию капитала и увеличение его мобильности за счет соединения с информационными технологиями, 2) превращение «общества потребления» в единственную и обязательную цивилизационную модель, 3) сращивание технологий электроники, автомобилестроения и ядерной энергетики с сетями социального контроля, 4) всеобщее подчинение кодексам корпоративного капитализма и его рекламных продуктов, что приводит к тому, что масс-медиа создают социальное воображаемое, которое имеет беспрецедентное влияние на конструирование реального.

В этом контексте хотелось бы коснуться работы Бориса Гройса «Город в эпоху его туристического воспроизведения»⁷. Туристический путеводитель становится одной из многочисленных форм знания. Установлению нового порядка репрезентации города мы обязаны эстетическим теориям XVIII века, которые порождают новый вид путешествий, целью которых является не торговля или захват новых земель, а лишь бесполезный осмотр достопримечательностей, подчиненный эстетическому чувству. Эта практика порождает в качестве репрезентирующего ее пространства туристический облик стран. По мере того как прилавки книжных магазинов наводнялись туристическими путеводителями, формировался взгляд на мир как на туристическую выставку. Параллельно появились феномен всемирных выставок и строительство архитектурных комплексов для них. Борис Гройс точно подмечает момент, когда репрезентанты начинают не только заслонять собой город как физическую среду обитания людей, но воспроизводить ее в качестве индустрии туризма, отдыха, игр и наслаждений. Гройс приводит пример с превращением локального и, как прежде считалось, неповторимого в бренд и переносом и воспроизводством такого бренда уже в любом городе мира. «Авангардисты хотели прийти к чистой элементарной форме, отбрасывающей все историческое и локальное. Теперь же напротив в ценности все локальное с местным колоритом. Однако при помощи новых технологий локальное репродуцируется в глобальном масштабе. Самый лучший японский сад камней может оказаться вовсе не в Японии. Современные архитектурные технологии, медиатехнологии, могут до бесконечности множить локальный фрагмент. Локальные фрагменты становятся глобальными, все охватывают собой, но уже без претензии быть сущностными основами мироздания». Таким образом, возникает новый глобальный город, основанный уже не на воспроизводстве труда и капиталистическом производстве.

Вопрос почему город все еще существует, и что лежит в основе его воспроизводства один из самых актуальных в исследованиях города. Во второй половине XX века появляются попытки по-новому посмотреть на город с точки зрения сетей. Жиль Делез и Феликс Гваттари считают, что город не может быть осмыслен из предшествующего опыта и теорий города, т.к. история всегда писалась с точки зрения господствующего единого и оседлого государственного аппарата. Однако нынешние города и их жители вовлечены в номадическое движение, а в мире правят уже не национальные государства, а транснациональные корпорации. Следовательно, необходима смена концептуальной структуры и теоретического аппарата в исследовании города. Если традиционно человек проживал в городе и был укоренен в его среде,

⁷ Гройс Б. Город в эпоху его туристической воспроизводимости. Неприкосновенный запас. 2003, №4 (30) <http://magazines.russ.ru/nz/2003/4/grois.html>, (дата обращения 12.12.2014).

то современный человек нигде и никогда не дома, его единственный дом – это движение. Делез и Гуаттари вводят понятия номадизма, ризомы и гетерархии. Логика ризомы противопоставляет «детерриторIALIZED пространства» и «линии ускользания» кочевников господствующему историческому дискурсу оседлых культур, базирующемуся на понятиях симметрии, иерархии и закрытости. Седентаризм основан на отчуждении кочевников и формирует иерархически структурированную бинарную оппозицию: оседлый (хороший, прогрессивный, цивилизованный) – кочевой (плохой, дикий, свирепый). Такой седентаризм был легитимизирован в гуманитарной науке через доминирующее европейское понимание истории. Делез и Гуаттари переосмысливают город, настаивая на его мобильности, переходности. «Город – это коррелят дороги. Город существует только как функция циркуляции и кругооборотов, это единичный пункт кругооборота, который создает его и который создается им. Он определяется входами и выходами. Что-то должно в него входить и из него выходить. Он навязывает чистоту. Он обуславливает поляризацию материи инертной, живой или человеческой, он побуждает поток проходить особые места вдоль горизонтальных линий. Это феномен транспоследовательности, феномен сети, потому что он фундаментально связан с другими городами. Город представляет собой порог детерриторIALIZации, так как какой бы материал не входил в него, он должен достаточно детерриторIALIZоваться, чтобы включиться в сеть, подлежать поляризации, следовать круговороту городского и дорожного запечатления»⁸. Вопрос о человеке на дисциплинарной карте остается открытым, так как номадическая субъективность не носит дескриптивного характера. Эта ускользающая субъективность вне фиксаций паспортом, полом, экономикой, нормативными описаниями. Значимость функции города как сети, захватывающей разнородные элементы, и необходимость создания новой гибридной теории города, которая захватывает в мышлении разнородные элементы и срезы исследования – логический, геополитический, экономический, жизненные миры и т. д., очевидна.

Отказ от дихотомического противопоставления внешнего и внутреннего, от противопоставления «центр» и «периферия» в пользу реляционного мышления отношениями и интервалами привел к попыткам описать сети и потоки. Множество вопросов о последствиях детерриторIALIZации города, вызванной массовым распространением информационной сети интернет на рубеже XX и XXI веков, задал Мишель Серрс в работе «Камни, ангелы и люди». Автор предлагает перейти в описании города от метафоры пространства-контейнера, заданного тем или иным проектом к метафоре сети. Он ставит вопрос глобальных трансформаций социального взаимодействия в городе, которые влекут сращивание политики, власти и информационных технологий. Автор рассматривает виртуализацию как превращение города в информационную сеть, которая является не столько изобретением наших дней, сколько продуктом милитаристского и политического гения римской цивилизации. Сегодня уже не римские дороги, а информационные технологии включены в сложные сети, объединяющие материальные городские структуры и людей. Отношения в сети диктуют приоритет времени над пространством. Город-сеть возникает уже не как собранный архитектурой, пособницей идеологии и политики, но как сетевой организм, заданный множественными вариантами движений, ритмов и скоростей.

Таким образом, симбиоз человек-город вырисовывается как подвижная констелляция вступающих в игру ритуалов, политики, власти, производства, рынков, информационных технологий, в которой происходят главные социальные изменения и создается облик жителя. С другой стороны, человек выступает не только генератором создания теорий городского пространства и является носителем практик, он не только создает, но и всегда уже встроен в созданный до него город, он изобретатель и продукт дисциплинарных пространств мегаполиса.

⁸ Deleuze G., Guattari F. City-State. // Rethinking Architecture. A Reader of cultural Theory. / Ed. N. Leach. L. Routledge, 1977. P. 296—299.

На протяжении второй половины XX века произошел отказ от гуманистической модели, ставящей человека в центр исследования любых социальных, экономических и исторических процессов. Деконструкция Деррида, номадизм, ризома и «подвижные линии ускользания» Делеза и Гуаттари, зияние, оставленное исчезнувшим субъектом Фуко сейчас уже стали «общими местами» ссылок любого исследования. На рубеже XX – XXI веков невозможность мыслить и описать современные нам процессы в терминах центр-периферия, внутреннее и внешнее привели к перефокусировке социального знания и развитию гибридных методологий, которые пользуются метафорами сетей и потоков. У потоков и сетей есть лишь точки входа и выхода, но нет исходящей и конечной точки, нет центра, но есть узлы сети, потоки расплавляют внешнее и внутреннее в интерактивность. Сети изначально гибричны, они переносят потоки денег, товаров, людей, идей, энергии и биомассы. Мир, созданный сетями, поливерсален и образован множественными пересекающимися системами движения. Такой мир более не описывается логикой декларативного характера. Фридрих Киттлер в своей «теории графов» выдвигает логику процедурного характера для описания гибридного, скорее транс-положенного, чем локализованного. «Города больше не представляют собой паноптикумов, обозримых из собора или замка, ни индустриальных машин, они не заключены в стены и укрепления, они образовали сеть, которая состоит из пересекающихся сетей рассекающих и соединяющих города и стирающих представления о центре и периферии. Независимо от этих сетей, будь то передача информации (телефон, радио, телевидение, киберсеть) или энергии (водоснабжение, электричество, дороги), все они представляют формы информации. Ведь каждый современный поток энергии требует параллельный сети управления и описания».

Здесь мы подходим к смыслу дисциплинарной карты, фигурирующей в названии параграфа, и проблематизируем ее существование в новом глобализирующемся обществе, поскольку доминантами в его организации уже не являются дисциплинарные институты (тюрьмы, фабрики, психиатрические лечебницы, больницы, университеты, школы и т. д.), которые прежде структурировали социальную территорию и задавали логику, адекватную «смыслу» дисциплины. Дисциплинарная карта предполагала структурирование параметров и границ мышления и практики. Обычаи, привычки людей и социальные практики начинают регулироваться совсем другими процессами, которые Мишель Фуко обозначит как био-контроль, который трассирует прежние границы и распространяется далеко за пределы структурного пространства социальных институтов, действуя посредством гибких и подвижных сетей. Дисциплинарная власть трансцендентна, био-власть имманентна. Она осуществляется посредством машин, которые напрямую целенаправленно воздействуют на умы (посредством коммуникационных систем, информационных сетей и т. д.), и тела (через системы социобеспечения, мониторинг деятельности и т. п.), формируя состояние автономного отчуждения от смысла жизни и творческих устремлений. Аппараты дисциплинарной нормализации продолжают существовать (лекции, уроки, очереди в поликлиниках), но они по-другому структурируют наши повседневные практики и по-другому подвергают нас контролю, превращаясь из иерархизированных систем в сеть. Сетевой контроль распространяется далеко за пределы структурного пространства прежних социальных институтов. Смена исторической формации дисциплинарного общества формацией общества био-контроля проработана во многих работах Фуко. Историю развития дисциплинарного общества Фуко связывает с классической эпохой французской цивилизации. Первая фаза капиталистического накопления проходила в рамках дисциплинарной парадигмы власти. Дисциплина структурирует границы мышления и практики. Создавая историю европейского дисциплинарного пространства, в книге «Люди и знаки» Борис Марков отмечает какой скачок сделало придворное общество в развитии технологии власти, рационализовав мир страстей через практики придворного поведения и этикета, воздействуя на жизнь не столько насилием, сколько управлением поведения и душевных стремлений. «Самодисциплина, самоконтроль, умение смотреть на несколько ходов вперед –

вот что культивируется в дисциплинарных пространствах придворного общества. Духовная аскеза христианских монахов, учтивость и хорошие манеры благородного сословия оказываются частью общецивилизационного процесса, в котором все более важное значение приобретает моделирование искусства жизни. Она становится не только этическим, но и эстетическим феноменом, в котором выше всего ценится целостность и завершенность»⁹. В буржуазном обществе, как показал Макс Вебер, эта дисциплина будет направлена на приумножение капитала. Общество контроля формируется на заре Модерности и достигает постсовременности, где механизмы принуждения уже не трансцендентны, а имманентны. «Общество контроля характеризуется интенсификацией и генерализацией аппаратов дисциплинарной нормализации, которые служат внутренней движущей силой наших повседневных практик, но, в отличие от дисциплины, этот контроль распространяется далеко за пределы структурного пространства социальных институтов, действуя посредством гибких и подвижных сетей»¹⁰. То, что теории власти современности были вынуждены считать трансцендентным, то есть внешним для производственных и общественных отношений, здесь формируется внутри, имманентно производственным и общественным отношениям. Опосредование поглощено машиной производства. Контроль общества над индивидами осуществляется не только при помощи сознания или идеологии, но и над телом и с помощью тела. Поэтому несмотря на то, что система знания, которое мы можем вбросить в академический обмен, все еще организована традиционными дисциплинами, необходимо пытаться создавать гибридную теорию, пытающуюся схватить различные проявления человека в городе и города в человеке. Только так мы сможем прогнозировать антропологические последствия процесса урбанизации и современного медиального поворота.

В связи с намеченной линией исследования, объектом моего пристального интереса являются метафоры, в которых описывается современный город. С развитием индустриального общества город принимает на себя образ организма и машины. Если город с улицами-«артериями» и «кругообращением» капитала инспирирован открытием большого и малого кругов кровообращения Гарвея, то образу города – машины мы обязаны появлением промышленного города. Так метафора человека-машины, вошедшая в философский дискурс благодаря работам Декарта, Ламетри, Дидро, с появлением индустриальных городов распространяется и на город, и по сей день остается сквозной метафорой или плавающим означающим эпохи. Однако машина усложняется, она уже не просто захватывает и перерабатывает массы, но имплантируется внутрь, «работает в самом сердце субъективности». В какой-то момент возникает гибридное поле метафор машины и организма, чаще всего применяемых для описания современных процессов. В определении города как ризомы Делезом и Гуаттари легко заметить те самые круги кровообращения Гарвея и организм, непредсказуемо разрастающийся нечеловеческий организм.

Последние работы Лос-Анджелесской школы, в частности недавняя книга Майкла Дэвиса «Мертвые города» заставляет нас усомниться в той форме знания, которая позволяет нам видеть город неотъемлемой частью человеческой цивилизации, неотступно и континуально сопровождающей общество на протяжении его развития. Событие 11 сентября 2001 года еще раз показало нам, сколь хрупок город, показало нам, что эпоха города как символа экономического процветания осталась в прошлом. Что ждет нас в дальнейшем? Это мы должны осмыслить сейчас. «Город уходит из города, – говорит другой представитель школы, Мишель Сэррс, – но это единственный момент, когда мы можем что-то понять».

⁹ Марков Б. В. Люди и знаки. СПб.: Наука 2011. С. 246.

¹⁰ Хардт М., Негри А. Империя [электронный источник URL http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/hardt/02.php] (дата обращения 04.02.2014)

На примере городов Европы мы можем наблюдать увлекательную историю развития и самоотрицания городского пространства. Города меняли архитектурные доминанты и строительные планировки, сгущались в лабиринт улиц и выстраивались вдоль прорубленных линий *via Colombo* в Риме, бульваров Османа в Париже, венской *Ringstrasse*, символизирующих союз старой династии и молодой буржуазии. Мы проследим это изменение городского пространства: от геометрически организованных городов античности через хаотически застраивавшиеся города средневековья к новому торжеству рационально спланированных городов картезианской геометрии Нового времени, выстраивающихся в прямую линию функциональных городов буржуазии и вплоть до виртуального киберполиса информационной сети, продолжающегося за пределами города как архитектурного проекта.

Часть I. Город как культурно-исторический феномен

Первая волна урбанизации

Концепт полиса

Становление греческого полиса

Становление полиса в Древней Греции – уникальный процесс, который не может быть уподоблен ни развитию политической, социальной и экономической структуре городов Древнего Востока, ни зарождению городов Средневековой Европы. Только на этой территории и только в этих условиях мог возникнуть концепт полиса – структурного образования со своеобразной градостроительной, социальной и политической организацией.

По свидетельству историков, возникновение греческого полиса исторически совпадает с новой фазой так называемой «городской революции», охватившей в первой половине I тысячелетия до н. э. практически все Средиземноморье от Сирофиникийского побережья и Палестины на востоке и до южной оконечности Иберийского полуострова на западе.¹¹ Новая волна переселения народов сопровождалась катастрофами и социальными потрясениями, обрушившимися на Грецию в конце II тысячелетия. Археологический материал свидетельствует о сильном экономическом и культурном упадке, охватившем Грецию в XII – XI веках. Кроме того, сказывалась длительная изоляция Эгейского бассейна от стран Передней Азии. Поэтому греческая урбанизация началась практически с нуля¹².

Итак, в VIII – VII веках до нашей эры на периферии существовавшего к тому времени цивилизованного мира начинают возникать новые политические центры греческих государств. Вероятно, наиболее жизнеспособным в эту пору крушения Микенской цивилизации, миграции дорийских и других северо-греческих племен оказался определенный тип поселения бронзового века, названного «протополисом». Его отличали: 1) наличие примитивных укреплений, слабость которых компенсировалась положением протополиса на укрепленной самой природой возвышенности (естественный акрополь) или на выдвинутом в море мысу; 2) компактная (ульевидная) застройка всей площади поселения стандартными блоками домов. Укрепленные поселения постмиграционного периода размещаются либо в прибрежной зоне (обычно на небольших выступах береговой полосы, которые легче было защищать от нападения со стороны суши), либо вдали от моря на плоской вершине какой-нибудь труднодоступной возвышенности.¹³

Начиная с постмиграционного или так называемого гомеровского периода, мы имеем свидетельства письменных источников о становлении греческого полиса. Планировка эпического полиса (его примерами могут служить Троя в «Илиаде» и город феаков в «Одиссее») подчинена тем же принципам: дома граждан полиса вместе с царским дворцом и главным святили-

¹¹ Hammond M. The city in the Ancient world. Cambridge, Mass., 1972, P.349.

¹² На независимый характер образования греческих городов указывает Старт (Starr Ch. G. The economic and social growth of Early Greece 800—500 B. C. New York, 1977, P.101). Еще два независимых очага урбанизации возникли в то же время в Италии (Этрусские города) и в Южной Аравии (Сабейские города Йемена).

¹³ Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1976, С.28.

щем обычно теснятся на небольшом пространстве, обнесенном стеной. За ее чертой, «в поле» остаются разрозненные сельские усадьбы и загоны для скота. И хотя полисом Гомер называет и комплекс объединенных деревень типа Спарты, древнегреческая стратегия формирования города очевидна. *Морфологически полис тяготеет к городу-горе, что находит свою квинт-эссенцию в Акрополе. Город не столько выгораживается из природы стеной (хотя стены окружают полис), сколько выносятся на вершину* – туда, где меньше ощущается давление ландшафта со стороны равнины. Сперва осуществляется выбор в природном ландшафте. Он падает на возвышенные места. Потом происходит их освоение – превращение из природного в символическое: обнесение стеной, организация внутренней топологии полиса. Формы древнего полиса не случайны, они суть образы того, что было изъято из природы: перепады высот, мерное чередование холмистых возвышенностей или круто поднимающаяся скала Акрополя. Формы, в которых отстраивает себя полис, заняты у природы, но абстрагированы с помощью технэ (в отношении города это строительные практики греков). Строения города повторяют формы ландшафта, но соотносятся уже не с природным, а с символическим – с мифом, упорядоченным космосом. Город захватывает вид ландшафта, но начинает производить его искусственно, стремясь перевести его в область идеальных предметностей. Каждый город строится навечно, а значит он должен изъять все, что может быть смыто простым сообщением с природной случайностью. Он должен устоять подобно твердыне в хаосе, а значит соотнести себя с миром вечных идей, как это происходит у Платона. Здесь еще не идет речь о геометрическом городе борьбы со временем, роковое спрямление линий которого приведет на большой дистанции европейские города к самоотрицанию некогда заботливо выгороженного из природы городского пространства. Греческий полис – это не только Акрополь, где находится агора, святилища, театр, но и лежащая в низине Хора, которая подобно буферу не позволяет закрыть ток природного. Хора объемлет город-гору, здесь возделываются поля и виноградники. Хора дает полису питание и силы. Символическое значение Хоры дает Платон в диалоге Тимей, намечая две линии существования полиса: космоантропологическую и гносеологическую. В космогонии Хора разделяет собой четыре стихии, являя собой как бы сито, которое отсеивает зерна от мякины (53a). Она разделила стихии из хаотического смешения, пройдя через нее, они обрели разум и меру. Хора пре- и прибывает на пороге полиса, она отсутствуя присутствует. В гносеологической линии Тимея Хора являет сам переходом от незнания к знанию. Ведь душа по Платону бессмертна, а значит знает все, но переходит в идеальный город-государство по мере того как припоминает все. Действия же учителя подобны действиям возделывающего плодородные земли Хоры, он «насаждает в душе ученика подходящие речи» (Федр 277a).

Следующий значимый элемент в символизации полиса – мера. Размер полиса определен аристотелевской «мерой», избыточное население вывозится в колонии, остальная часть концентрируется в новых укреплениях. Первичные общины интегрируются в один большой полис. В античной исторической традиции это явление было названо синойкизмом, классическим примером которого может служить Афины и Аргос¹⁴. Фукидид ставит в заслугу Тесею учреждение в Афинах одного общего для всей страны булевтерия и пританея, в результате чего были упразднены все существовавшие до этого местные органы власти. Таким образом, Тесей «принудил всех (жителей Аттики) пользоваться одним этим городом» (II, 15,2). Локализация нескольких общин в один полис происходит на основе общности происхождения, языка, важнейших культов и, прежде всего, потребностью в совместной защите от общих врагов. Поэтому центрами полиса становятся почитаемое в этой местности святилище или естественная цитадель наподобие Акрополя, в которой могло укрыться все население. Для Фукидида настоящий город был, прежде всего, средоточием политической и религиозной жизни государства,

¹⁴ Francotte H. La polis grecque. Paderborn, 1907, P.105; Busolt G. Griechische Staatskunde, Bd. I. München, 1920, S. 156.

местом, где находились правительственные здания, агора, служившая в первую очередь местом народных собраний и лишь потом рыночной площадью, и, наконец, все главные святилища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.